

УДК 323.1:341(510)+316.27+39(=581)

Р. Л. Исхаков*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия***R. L. Iskhakov***Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

Принцип *миньцзу чжуи* и легитимация национальной государственности Китая

The principle *minzu zhuyi* and legitimation of national statehood of China

В статье рассмотрены механизмы формирования национальной политики Китая в исторической ретроспективе и в современности. Показано, что в КНР ведется активный поиск новых методов и подходов в решении национального вопроса на основе идей гражданского национализма (*миньцзу чжуи*) Сунь Ятсена.

Ключевые слова: принцип национализма (*миньцзу чжуи*), китайцы, национальные меньшинства, деэтнизация политики, деполитизация этноса, постэтничность, нация-государство.

The author considers the mechanisms of the formation of China's national policies both in historical retrospective and contemporary stage. It is shown that in China there is an active search for new methods and approaches in the solution of the national question based on the Sun Yat-sen's ideas of civic nationalism (*Minzu Zhuyi*).

Keywords: the principle of nationalism (*mínzú zhūyì*), Chinese, national minorities, de-ethnization of politics, de-politicization of ethnicity, postethnicity, the nation-state.

Китайская Народная Республика — многонациональное государство, на территории которого проживают представители официально признанных правительством 56 этносов. Еще 3-я Всекитайская перепись населения 1982 г. зафиксировала 936,7 млн китайцев (ханьцев) и 67,23 млн представителей национальных меньшинств [1].

Национальная политика Китая складывалась на протяжении веков [2; 3]. Уже со времён династий Цинь (221–207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) Китай стал последовательно проводить политику присоединения территорий, населённых некитайскими народами. Китайское название Поднебесной *Чжунго* говорит само за себя: в течение многих веков Китай не только считал себя центром мира, но и полагал, что все иностранцы должны думать о нем как о таковом. Шаги, направленные на включение новых земель, официальная идеология объясняла либо помощью этническим перифериям, либо необходимостью наказания за нарушение вассальных обязанностей. При династии Тан (618–907) в китайскую политическую доктрину впервые была включена идея полиэтнического многонационального государства, в котором проживали и ханьцы, и «варвары» (夷, *yí* — некитайские народности в Восточном Китае). В ханьское время возникла политическая практика «слабого руководства варварами», для которых были разработаны особые принципы политического, административного и правового регулирования [4].

Накопленный в Китае исторический опыт способствует формированию современной национальной политики [5]. Конфуций в сборнике «Лунь юй» писал: «Учитель сказал: тот, кто, повторяя старое, способен найти новое, может стать наставником» [6, с. 10].

В 2016 г. исполняется 150 лет со дня рождения Сунь Ятсена. Посмертно правительством Китая в 1940 г. ему был присвоен титул «отца нации» (國父 — *го фу*). Сунь Ятсена сравнивают с великими Конфуцием и Мэн-цзы. Говорят, что они просто верили, что их предназначение — спасти Китай от разобщённости. Но при этом ни Конфуций, ни Мэн-цзы не смогли осуществить свои идеи на практике. Сунь Ятсен, напротив, вошёл в историю Китая не как мыслитель, а как выдающийся политический деятель [7]. Его даже называют «Конфуцием в реальной политике».

Полностью игнорировать права национальных меньшинств в современных условиях для Китая невозможно [8]. Важно, что Китай заявляет о стремлении к укреплению межнациональных отношений, основанных на равноправии, сплочённости и взаимной помощи. Гораздо сложнее реализовать это на практике. Поэтому, на наш взгляд, большое значение имеет анализ представлений Сунь Ятсена о национальном вопросе.

Особенности территориального распределения национальностей и наличие обширных территорий со смешанным населением придают национальному вопросу «местный» характер. Вместе с тем, развитие национальных меньшинств и национальных районов непосредственно влияет на развитие и всей страны.

Легитимация национальной государственности в Китае представляет собой феномен глокализации. Глокализация (глокализм) (лат. *global* — всемирный, *local* — местный) — процесс сложного переплетения глобальных тенденций общественного развития и локальных, местных особенностей культурного развития тех или иных народов. Глобализация как нечто тотальное, громадное и внешнее стремится подавить все альтернативные тенденции развития, однако выражается в мелких проявлениях на местном локальном житейском уровне, будь то национал-сепаратизм Тайваня (КР), сепаратизм Тибета (ТАР), уйгурская проблема Синьцзяна (СУАР) или «революция зонтиков» в сентябре 2014 — июне 2015 г. в Гонконге (Сянган) и т. п. Локальное выступает как аспект глобального и существует в режиме столкновения локальных культур в рамках государств. Государства же претерпевают трансформацию из своей национальной формы в национально-государственные общности, которые превращаются в арену столкновения различных транскультурных способов коммуникации, разнородных стилей жизни, разнообразных представлений об ответственности и мозаичных механизмов этнической идентификации.

Исторически сложившаяся практика управления неханьскими народами плавно вписалась и в национальную политику правительства КНР; на официальном уровне КПК, руководствуясь опытом Советского Союза, определила принципы равенства всех национальностей, уважения и сохранения традиций, обычаев и верований малочисленных народов, сохранения языка [4]. Но при этом суть национальной концепции остается в том, чтобы убедить общественное мнение, что Китай исторически складывался как единое многонациональное государство, а китайская нация (*чжунго цзю*) — как суперэтнос. Отсюда за всеми народами, проживающими на территории КНР, признается статус нации при одновременном включении в понятие «китайская нация» этнических групп, «сопричастных к истории страны». Не признаются принципы национального самоопределения и конфедеративного государственного устройства, а организация

национально-государственного строительства зиждется на принципе районно-национальной автономии. Как говорил в 1996 г. премьер Китайской Республики (Тайвань) Лянь Чжань: «Лично мне в течение уже некоторого времени представляется, что между Тайбэем и Пекином нет разногласий по вопросу национализма (*миньцзу чжуи*), который Пекин поднимает всякий раз, когда обсуждается проблема воссоединения» [9].

В Китае вопросы прав и свобод человека начали подниматься только в последнее время [10]. Коммунистическая партия Китая после смерти Мао Цзедунa в 1976 г. и после декабрьского 1978 г. пленума ЦК КПК, который провозгласил курс на социалистическую рыночную экономику, как считает публицист Александр Турыкин, «оставаясь коммунистической партией по форме, фактически пошла в фарватере идей Сунь Ятсена» [11]. Однако для решения национального вопроса необходимы новые методы и подходы со стороны китайского руководства [12, с. 458–472]. Как говорил Конфуций: «Учитель сказал: “Бывает, появляются ростки, но не цветут! Бывает, цветут, но не плодоносят!”» [6].

Китайский ученый, специалист по древней и средневековой истории Китая Цзянь Боцзан (Jian Bozan, 1898–1968) в 60-х гг. XX в. выдвинул *теорию ассимиляции*. Согласно этой теории, высокоразвитый народ, завоевывая менее развитый, способствует не только его прогрессу, но и постепенной ассимиляции. Если же народ-завоеватель, наоборот, слабее завоеванного народа как в цивилизационном, так и в духовном плане, он неминуемо сам растворится в завоеванном этносе. Эта теория ассимиляции «слабого» народа более развитым вполне правомерна по отношению к историческому развитию самого Китая. Древние глубокие традиции имперского Китая послужили основными причинами устойчивого процесса консолидации китайского этноса и достаточно успешной аккультурации, или полной ассимиляции иноэтнических групп на его территории.

Сунь Ятсен считал необходимым развивать «гражданский национализм» (в противоположность этноцентризму) и «объединить различные народности Китая», прежде всего пять основных: ханьцев, монголов, тибетцев, маньчжуров и мусульман (в частности уйгуров)¹.

¹ Единство пяти народностей символизировал пятицветный флаг Китайской Республики (1911–1928).

Китайский революционер, основатель партии *Чжунго Гоминь-дан* (букв. — Китайская национальная народная партия) Сунь Ятсен (в китайском литературном произношении — *Сунь И-сянь*, на кантонском диалекте — Ятсен; Сунь Вэнь (литературный псевдоним), Сунь Чжуншань (имя в эмиграции) — один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей [13–17].

Принцип национализма (*миньцзу чжун*) Сунь Ятсена подразумевал освобождение Китая от доминирования империалистических держав. Под псевдонимом Сунь Вэнь он изложил свои идеи в статье «Следующий шаг». Статья эта появилась во многих газетах и журналах в Китае и за границей. Напечатала ее также и бельгийская социалистическая газета «Народ» (*Le peuple*). Пришла эта газета в Краков, где жил тогда В. И. Ленин. Он прочитал статью с большим интересом. И решил написать о ней. И действительно, статья Ленина «Демократия и народничество в Китае» появилась в выходившей в Петербурге легальной большевистской газете «Невская звезда» 15 июля 1912 г. [18, с. 402–406].

Статью Сунь Вэня Ленин называет «платформой великой китайской демократии». И дальше он пишет: «Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая». Для Ленина Сунь Вэнь — «революционный демократ, полный благородства и героизма, свойственного такому классу, который идет не под гору, а в гору, который не боится будущего, а верит в него и самоотверженно борется за него — классу, который ненавидит прошлое и умеет сбрасывать его омертвелую и душащую все живое гниль, а не цепляется за сохранение и восстановление прошлого ради охраны своих привилегий». Ленин целиком одобряет линию Сунь Вэня на развитие «наибольшей самостоятельности, решительности и смелости крестьянских масс в деле политических и аграрных реформ» [Там же].

Государственность — специфический признак, отличающий историческое развитие этносов, которые сумели создать собственное государство или восстановить утраченное в силу различных причин, и идеология, общественная, политическая и культурная ориентация, направляющая страну на развитие государства, его защиту, совершенствование политической организации общества. Моральное

оправдание этих двух форм государственности (государство и идеология) происходит в формах легализации и легитимации государственности [19].

Легализация представляет собой процесс узаконивания государственных порядков, которые приравниваются к наивысшей справедливости, не подлежат сомнению и абсолютно обязательны для граждан. Идея конституции пяти властей (законодательная, исполнительная, судебная, экзаменационная, контрольная) доктора Сунь Ятсена вошла в историю мировой политической мысли как способ легализации Китайской Республики.

Но любая власть не может не испытывать потребность в системе легитимации, сущность которой состоит в обосновании и оправдании права властвования существующей в данной стране формы правления. На это направлена идея Сунь Ятсена о трех народных принципах — национализме (*миньцзу чжуи*), народовластии (*миньцюань чжуи*), народном благосостоянии (*миньшиэн чжуи*) [20].

Китайское понятие миньцзу чжуи содержит в себе представление об этнической общности. Миньцзу чжуи — это один из трех народных принципов Сунь Ятсена. Его необходимо рассматривать наряду с понятием *миньцюань чжуи*, еще более важным с точки зрения проблемы национального объединения. Это понятие иногда переводят как «народовластие», но фактически, на взгляд премьера Китайской Республики Лянь Чжань, «оно представляет собой одно из определенных демократии» [9].

Китайцы — общность людей, объединённых по некоему признаку. В китайском языке есть несколько терминов для их обозначения.

Китайский народ, хуажэнь — общий термин, относящийся к любой персоне китайского происхождения, включая тех, кто живёт в Китае и за рубежом. Однако этот термин обычно больше используется в обращении к заграничному китайскому сообществу и иногда — к заграничным китайским меньшинствам.

Китаец (чжунгожэнь — человек, проживающий в Китае). Некоторые используют этот термин для того, чтобы обратиться к кому-либо из людей, которые хотят получить гражданство Китайской Народной Республики, независимо от этнической принадлежности. Другие используют его только для граждан Китайской Республики.

Использование может зависеть от политических представлений о статусе Китая.

Китайцы, проживающие за границей (хуацяо) — относится к китайскому соотечественнику или гражданину, проживающему за рубежом, у которого было китайское гражданство. Этот термин активнее использовался до 1949 г., когда Китай предоставлял гражданство многим китайцам за границей.

Китайцы по крови (хуаи) — относится к людям китайского происхождения, живущим за рубежом, которые не получили гражданство Китайской Народной Республики.

Малые народности Китая (шаошу-миньцзу). Этот термин относится к 55 национальностям страны. Среди 55 национальностей, проживающих на территории страны, самая большая — чжуан, насчитывающая 13,38 млн человек, а самая маленькая — лоба, численность которой составляет 1 тыс. человек. 15 групп национальных меньшинств имеют население свыше миллиона человек, 13 — свыше 100 тыс., 7 — более 50 тыс., и 20 — менее 50 тыс. человек [1]. Кроме того, в Юньнани и Тибете есть несколько этнических групп, которые еще не идентифицированы.

Национальные меньшинства, несмотря на небольшую численность, проживают на территории, занимающей около 50–60 % площади страны, в основном в пяти автономных районах — Внутренней Монголии (АРВМ), Тибете (ТАО), Синьцзян-Уйгурском (СУАР), Гуанси-Чжуанском и Нинся-Хуэйском районах, а также в 14 провинциях (Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин, Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуандун, Хунань, Хэбэй, Хубэй, Фуцзянь и Тайвань).

Так, в провинции Юньнань проживает более 20 национальностей. Это район, где представлено наибольшее число национальных меньшинств, имеющих в Китае. Корейцы расселены главным образом в Яньбяньском округе (провинция Цилинь), туцзя и мяо — в восточной части провинции Хунань. Ли проживают на острове Хайнань, в провинции Гуандун. Около 10 млн представителей национальных меньшинств живут смешанными группами во всех уголках Китая, и даже эти небольшие этнические общины слились с ханьцами. К примеру, во Внутренней Монголии, Нинся-Хуэйском и Гуанси-Чжуанском автономных районах большинство населения — ханьцы, и лишь незначительную часть составляют национальные меньшинства. Эта

модель маленьких компактных общин среди больших смешанных групп, состоящих в основном из ханьцев, является характерной для расселения национальностей в Китае.

Наиболее многочисленные национальные меньшинства — это чжуаны (их численность — 16 млн или 1,30 % населения), манчжу (10 млн или 0,86 %), хуэй (9 млн, 0,79 %), мяо (8 млн, 0,72 %), уйгуры (7 млн, 0,68 %), народность *и* (7 млн, 0,65 %), тхуцзя (5,75 млн, 0,62 %), монголы (5 млн, 0,47 %), тибетцы (5 млн, 0,44 %), буи (3 млн, 0,26 %) и корейцы (2 млн, 0,15 %). Национальный состав населения отличается чрезвычайным разнообразием. Представлены шесть языковых семей: сино-тибетская — ханьцы, тибетцы, лаху, наси, и др.; алтайская — уйгуры, монголы, казахи, маньчжуры, и др.; тайская — чжуаны, буи; австроазиатская — мяо, яо, булан; корейская — корейцы; индоевропейская — русские, таджики. Китайский язык также имеет множество диалектов. Собственную письменность имеют далеко не все народы. Мусульмане составляют около 2 % населения, а христиане составляют около 5 %.

Известно, что развитие Китая насчитывает более 3,5 тыс. лет. Это государство имеет богатую историю. Китайская цивилизация является одной из древнейших культур мира. Кроме того, современный Китай — крупнейшее полиэтническое государство. Поэтому неудивительно, что китайское общество отличается высокой неоднородностью, национальным и культурным разнообразием. Включая этнических китайцев (ханьцев) в Китае официально признано 56 национальностей. Они говорят на различных языках и диалектах, исповедуют практически все мировые религии, имеют свои традиции и культуру. Исторически Китай стал центром притяжения для многих народов. С течением времени различные этносы Китая что-то заимствовали у ханьцев, подвергались большей или меньшей ханизации. Имел место и обратный процесс — неханьские национальности также воздействовали на культуру ханьцев, но это происходило лишь в отдельных регионах и в целом на национальную ситуацию не влияло.

В основу изучения китайской идентификации может быть положен конструктивистский принцип этничности, понимаемой сегодня как «чувство принадлежности к группе людей, которые отличаются от других по культуре», как «форма социальной организации культурных

различий» (В. А. Тишков). Существует несколько трактовок того, как определить причастность человека к китайской нации.

Во-первых, это люди, имеющие гражданство и проживающие в Китайской Народной Республике (континентальный Китай, Гонконг и Макао) или в Китайской Республике (Тайвань). Относительно того, делает ли гражданство в Китае «китайцем», существуют разные мнения, поскольку сторонники тайваньской независимости не считают, что Тайвань — часть Китая. Данное представление о китайской нации имеет правовую основу.

Во-вторых, зачастую китайцами называют основную этническую группу, населяющую Китай, — хань. Кроме национальности, в определение «китайскости» входят место проживания (географические факторы), происхождение (биологические причины) и родословная (исторические и родословные факторы).

В-третьих, этническое представление о китайской нации включает все 56 групп, обосновавшихся в Китае и официально признанных правительством, проживающих в Китае хотя бы со времени династии Цин (1644–1911). Оно также относится к китайцам за рубежом.

Задача определения национального состава населения встала перед китайскими учёными с первых же дней образования КНР. Сразу же без каких-либо трудностей и сомнений было зафиксировано наличие 38 национальностей. Но вскоре по данным переписи населения в 1953 г. в КНР заявили о себе свыше 400 различных этнических групп [12, с. 458]. Были проведены широкомасштабные научные исследования неханьских национальностей, собран и обработан уникальный материал. В итоге к началу 1960-х гг. утвердили ещё 16 национальностей. В 1979 г. к этому официальному списку национальностей добавили ещё одну — цзино, национальностей стало 55, и официальный список больше не изменялся [20, с. 149].

По данным пятой Всекитайской переписи населения, проведенной в 2000 г., среди национальных меньшинств КНР имеются 18 национальностей численностью свыше 1 млн человек. Это чжуаны, маньчжуры, хуэйцы, мяочане, уйгуры, ияне, туцзяне, монголы, тибетцы, буитяне, дунцы, яотяне, корейцы, байцы, ханийцы, лияне, казахи и дайцы. Среди них наиболее многочисленной этнической группой являются чжуаны — 16,179 млн человек. Другие 17 национальностей насчитывают от 100 тыс. до 1 млн человек каждая, это шэяне,

лисуанцы, гэлаотяне, лахутцы, дунсяны, вайцы, шуйцы, насийцы, цянцы, туйцы, сиботяне, мулаотяне, киргизы, дауры, цзинпотяне, салары и маонаньцы. 20 национальностей насчитывают от 10 тыс. до 100 тыс. человек каждая — буланы, таджики, пумийцы, ачане, нусуанцы, эвенки, цзинцы, цзинотяне, дэане, узбеки, русские, юйгуры, баоаньцы, мэньбайцы, орочоны, дулуны, татары, хэчжэйцы, гаошаньцы (без учета гаошаньцев, проживающих на Тайване) и лобайцы. Самой малочисленной является национальность лоба — всего 2 965 человек.

Процесс формирования китайской национальной политики прошел сложный и для неханьских национальностей во многом трагичный путь. Обычно исследователи выделяют три главных этапа:

1) период становления основ национальной политики (1949–1957);

2) период деструкции — с 1957 г. до 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г.;

3) период конструктивного строительства в национальных районах, начавшийся на пороге 1980-х гг. и продолжающийся в настоящее время [12, с. 458–472].

Уже во второй половине 1950-х гг. КПК заговорила о постепенном сужении рамок национального вопроса в КНР. Это стало следствием его трактовки как части китайской революции. Революция, как считалось в то время, уже подвела страну к рубежам коммунизма, а раз так, значит, и национальный вопрос стал терять свое значение. Ослабление внимания КПК к национальному вопросу стало серьезным просчетом. Последующие годы были еще менее благоприятными. В период культурной революции в КНР официально отрицалось существование при социализме наций и национального вопроса.

Лишь в конце 1970-х гг., когда произошло резкое ухудшение национальной ситуации, выросла напряженность в национальных отношениях, участились вспышки инцидентов на этнической почве, значимость проблемы привлекла к себе внимание руководства КПК. В 1982 г. XII Всекитайский съезд КПК впервые в истории партии дал оценку национального вопроса в Китае как проблемы чрезвычайной государственной важности [21]. Сегодня позиция КПК в отношении оценки значимости национального вопроса коренным образом отличается от первоначальной. Новый подход поднял значимость национального вопроса. Действительно, не определив места и роли

национального вопроса в стране, трудно строить достаточно обоснованную и эффективную национальную политику, которая жизненно важна для современного государства. Новая оценка помогла в 1980-е гг. изживанию нигилистического отношения к этой важной проблеме как внутри КПК, так и в стране в целом. Во многом благодаря усилиям Дэн Сяопина КНР вышла на путь конструктивного решения национального вопроса, при этом была сформирована целостная теория с учетом китайской специфики. Национальный вопрос получил чрезвычайно высокий статус стратегически важной проблемы. Это способствовало активизации национальной политики, осуществляемой в КНР, а также развертыванию в Китае теоретической работы в данной области. Сегодня основные направления национальной политики КПК — это проблемы сплоченности, национального равенства и благосостояния национальностей.

До 1949 г. и КПК, и Гоминьдан поддерживали принцип федеративности и национального самоопределения, даже признавали право ханьцев на выход из состава Китая. Однако после образования КНР партия отказалась от этого, чтобы обеспечить территориальную целостность страны. В качестве основы решения национального вопроса была принята районная национальная автономия, исключавшая выход какой-либо нации из состава Китая. При этом под районной национальной автономией подразумевается осуществление районной автономии в местах компактного проживания представителей нацменьшинств под единым руководством государства, учреждаются органы самоуправления.

После провозглашения КНР китайское правительство приступило к введению национальной районной автономии во всех местах компактного проживания нацменьшинств [10]. Широкая автономизация началась с 1950 г., но большинство автономий были мелкими — в масштабах волости и внутриездного района. В 1952 г. был принят первый нормативный акт, регламентирующий политику районной национальной автономии, — «Основные принципы осуществления районной национальной автономии в КНР». Конституция 1954 г. ограничила статус автономий тремя ступенями, с тех пор компактно проживающие национальные меньшинства (например, уйгуры, тибетцы, чжуань, хуэй, маньчжуры, монголы) могут создавать три вида автономных образований — автономную область, автономный округ,

автономный уезд. Автономные районы ниже уезда были упразднены. Такая система деления существует и сегодня. В целом страна разделена на провинции, национальные автономные районы и города центрального подчинения. Провинции и автономные районы разделены на автономные округа, уезды, автономные уезды и города. Уезды и автономные уезды разделены на волости, национальные волости, а также посёлки и села. Согласно положениям конституции, государство при необходимости может учреждать особые административные районы. С целью повышения эффективности административной работы, развития экономики и содействия сплоченности нации правительство может регулировать или изменять административные границы автономных районов.

Первым из автономных регионов в 1947 г. стала Внутренняя Монголия (столица — Хух-Хото). В октябре 1955 г. был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район (столица — Урумчи); в марте 1958 г. — Гуанси-Чжуанский автономный район (столица — Наньнин); в октябре 1958 г. — Нинся-Хуэйский автономный район (столица — Иньчуань); в сентябре 1965 г. — Тибетский автономный район (столица — Лхаса).

С самого начала районная автономия КНР имела чисто административные рамки. Автономии не имели и не имеют статуса государственности, все вопросы решаются и контролируются центром. Районы национальной автономии рассматриваются как неотъемлемая часть унитарного государства. Наименование автономного образования, за исключением особых случаев, устанавливается по местному названию, названию национальности, административному положению (например, Тибетская автономная область, автономная область Внутренняя Монголия). С точки зрения национального состава автономные образования могут быть созданы на основе компактного проживания нескольких национальных меньшинств (например, автономный округ национальностей мяо и дун в юго-восточной части провинции Туйчжоу, Дунлиньский многонациональный автономный уезд в провинции Гуанси и др.), на основе проживания одного национального меньшинства (например, Тибетский автономный район, Нинся-Хуэйский автономный район, Ляншаньский автономный округ в провинции Сычуань и др.) либо построены на основе компактного проживания одного национального меньшинства с включением в его состав

меньших по размеру автономных образований других национальных меньшинств (например, в составе Синьцзян-Уйгурского автономного района образованы автономные округа и автономные уезды казахской национальности и др.) [23, с. 33–34]. Ряд национальностей создали несколько национальных образований различного уровня. Так, тибетцы в Китае проживают не только в Тибетской автономной области, но и в провинциях Сычуань, Ганьсу, Цинхай и Юньнань, где они образовали десять автономных округов и два автономных уезда. Монголы, кроме автономной области Внутренняя Монголия, создали монгольские автономные округа и автономные уезды в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в провинции Цинхай и других регионах.

На конец 2003 г. в Китае были созданы 155 административных единиц национальной автономии, в том числе 5 автономных районов, 30 автономных округов и 120 автономных уездов (хошунов). По данным 5-й Всекитайской переписи населения, в 2000 г. 44 из 55 нацменьшинств образовали свои национально-территориальные автономии, в них проживает 75 % представителей нацменьшинств Китая.

Китайские ученые в последние два десятилетия уделяли особое внимание исследованию национального вопроса, для того чтобы у правительства была возможность находить адекватные решения в их урегулировании. На современном этапе национальный вопрос имеет ряд специфических особенностей.

В 87 из 347 законов и законоположений, разработанных и обнародованных Всекитайским собранием народных представителей, содержатся положения, касающиеся национальных меньшинств. В таких документах, как закон «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей КНР», закон «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств КНР», Уголовный кодекс КНР, Уголовно-процессуальный кодекс КНР, Закон КНР о браке, Закон КНР о воинской обязанности, Лесной кодекс, Степной кодекс, установлены статьи, обеспечивающие национальное равенство и защищающие права и интересы национальных меньшинств. В соответствии с этими законодательными актами районная национальная автономия является одним из важных институтов политической системы. На органы самоуправления автономных образований возлагается стратегически важная обязанность сохранять единство страны.

В результате властно-общественного диалога происходят легализация и легитимация государственности в общественном сознании. Моральное оправдание этих двух форм государственности (государство и идеология) происходит в формах легализации и легитимации государственности [18, с. 26]. Любая власть не может не испытывать потребность в системе легитимации, сущность которой состоит в обосновании и оправдании права властвования существующей в данной стране формы правления.

Наследие идеологии «трёх народных принципов» наиболее очевидно прослеживается в государственном устройстве Китайской Республики (Тайваня) и идеологии Гоминьдана. В частности, «народные принципы» упоминаются в первой строке государственного гимна Тайваня и в первой статье тайваньской конституции.

Существуют три актуальных модели сосуществования народов в полиэтнических обществах. Это американская концепция «плавильного котла», российский механизм национально-культурных автономий, европейская схема мультикультурализма. Каковы же особенности китайской национальной идентичности? Понять ее можно, следуя концепции в рамках теории нации, разработанной Бенедиктом Андерсеном в одноименной книге, в которой тот рассматривает нацию как социально сконструированное сообщество, существующее в воображении людей, воспринимающих себя как его часть [23].

Воображаемое сообщество отличается от реального сообщества, потому что оно не может быть основано на повседневном общении лицом к лицу его участников. Вместо этого его участники удерживают в своем сознании ментальный образ своего сходства. Нация является *воображенной*, «поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности», отмечает Андерсон. Эти сообщества являются воображаемыми как нечто ограниченное и вместе с тем суверенное [Там же, с. 30–32]. *Ограниченное* — потому что нация всегда подразумевает существование других наций. *Суверенное* — потому что нации всегда стремятся к автономии. Залог этой автономии — суверенное государство.

Нами вслед за Л. Н. Гумилевым было показано, что этносы в своем социогенезе (который, в свою очередь, следует за этногенезом) проходят несколько этапов — этап младоэтничности, этап национализма и этап постэтничности. На всех этапах проявляются их функциональные особенности. Концепция пассионарности Гумилева позволяет исследователю раскрыть, как этничность в различных фазах самоорганизации этноса выполняет конкретную функциональную роль — младоэтническую (патриотическую), националистическую (государственническую) и постэтническую (гражданскую).

Так, младоэтничность — характеристика объединяющихся по принципу комплементарности людей; этап этногенеза, характерный при переходе от восприятия ландшафта как ареала расселения к восприятию как историко-культурной области (родины). Императив поведения на этом этапе, подсознательно воспринимаемый всеми людьми как норма поведения, — «будь патриотом!». На самом деле китайский патриотизм, считает корреспондент газеты «Женьминь Жибао» Евгений Загребнов, это давно забытая форма этнического национализма, которая определяется влиянием германского романтизма [24]. Сунь Ятсен, по мнению публициста, кривил душой, когда утверждал, что китайские националистические идеи не появились из иностранного источника, а «были переданы нам нашими праотцами». Ведь в XIX в. германские мыслители и философы впервые ответили национализмом «языка, крови и земли» на завоевание германских княжеств наполеоновской армией. Эта концепция впоследствии привлекла многих романтиков в странах Азии, народы которой чувствовали подавление со стороны западных колониальных держав. Она же воплощается в действие ЦК КПК до сих пор.

Гражданская нация является феноменом постэтничности. Сложилось два подхода к признанию постэтнической нации. Если нация понимается как «огосударствленная» этничность, то ее наполняют две составляющие — государственность и этничность. Абсолютизация государственной составляющей оборачивается усилением этатистской составляющей этноса, абсолютизацией идеи *согражданства*. В теории этногенеза формирование постэтнических наций означает вхождение этноса в новый этап. Л. Н. Гумилев описал содержание постакматической фазы этногенеза термином «надлом» (А. Тойнби — термином «брейкаун»). В этих условиях, как мы уже отмечали, научное сообщество должно решить новую для себя задачу

«деполитизации этничности и деэтнизации политики». Американский политолог Д. Холинджер видит решение этой задачи в формировании *постэтнических наций* на основе космополитичной модели мультикультурализма.

Феномен постэтнических наций демонстрирует переход этнического группоцентризма к социоцентризму, или, по словам Сунь Ятсена, «гражданскому национализму» (*миньцзу чжуи*) в противоположность этноцентризму. На официальном уровне в КНР активно поддерживается доктрина китайской нации, приоритетное внимание уделяется формированию у граждан «государственного сознания» (государственной идентичности) при одновременном перемещении на второй план этнического сознания национальностей. В 2001 г. китайское правительство приняло закон об использовании общепринятого китайского языка путунхуа на всей территории Китая — в государственных структурах, учебных заведениях, а также на радио и телевидении, за исключением СМИ, ориентированных на аудиторию, состоящую из нацменьшинств.

Термина «сохранение национальных меньшинств» избегают, говоря об их развитии, при том, что официальная политика «одного ребенка в семье» не распространяется на национальные меньшинства, официальные власти нигде не указывают, что процентное соотношение национального состава останется неизменным. «При наличии декларативных положений о необходимости сохранения национальных культур, традиций, обычаев и языка считается неизбежным исчезновение национальных языков, а в недалеком будущем и полное растворение малых народов в великой китайской нации», — пишет В. Г. Булдакова (Институт экономических исследований ДВО РАН) [25].

Попытка «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух», выдвинутая на XVI съезде ЦК КПК в 2002 г., по сути, стала стратегической задачей правительства и условием выживания у власти нынешнего правительственного аппарата. В программу входит создание «китайского этноса» (*чжунго цзу*), а через укрепление позиции нарративов — китайского языка и китайской культуры.

1. Национальный состав Китая. URL <http://china.kulichki.com/figures/nationality/059.shtml> (дата обращения: 04.07.2015).

2. Васильев Л. С. История Востока : в 2 т. М., 2003. 567 с.

3. *Крюков М. В.* Этническая история китайцев в XIX — нач. XX в. М., 1993. 414 с.
4. *Сыроежкин К. Л.* Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК. URL: <http://www.continent.kz/library/KN-4/4soderjanie.html> (дата обращения: 10.07.2015).
5. *Богословский В. А., Москалёв А. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. 260 с.
6. Лунь юй. Цяо Пин, 2004. С. 10.
7. *Сунь Ятсен.* 1866–1966 : К столетию со дня рождения : сб. ст., воспоминаний и материалов. М., 1966.
8. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. 646 с.
9. *Лянь Чжань.* Прагматическая стратегия мирного объединения Китая. URL: <http://taipanorama.nat.gov.tw/fp.asp?xItem=51082&ctNode=248> (дата обращения: 04.07.2015).
10. Достижения Китая в сфере защиты прав человека в 2013 году. Пекин, 2014. 76 с.
11. *Турыкин А.* Ленин и Сунь Ятсен: истоки крушения СССР и процветания Китая. URL: <http://consensus-patrum.ru/lenin-i-sun-yatsen-istoki-krusheniya-sssr-i-procvetaniya-kitaya> (дата обращения: 22.07.2015).
12. *Москалёв А. А.* Национальный вопрос: поиски и находки // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 458–472.
13. *Бородин Б.* Геркулес Китая // Новое время. 1984. № 45. С. 22–23.
14. *Ла Цзялунь.* Гофу Сунь Чжуншань сяньшэн няньпу чугао (Хронология жизни и деятельности Сунь Ятсена) : в 2 т. Тайбэй. 1958. Т. 1. С. 56.
15. *Матвеева Г. С.* Отец республики : Повесть о Сунь Ятсене. М., 1975. 398 с.
16. *Тихвинский С. Л.* Завещание китайского революционера : Сунь Ятсен: жизнь, борьба, эволюция политических взглядов. М., 1986. 224 с.
17. *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен — друг Советского Союза. М., 1966.
18. *Ленин В. И.* Демократия и народничество в Китае // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 21. С. 402–406.
19. *Чиркин В. Е.* Основы государственной власти. М., 1996.
20. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М., 1985.
21. *Москалёв А. А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., 2004. С. 149.
22. Материалы и документы XII съезда КПК, 1–11 сент. 1982 г. М., 1983.
23. *Ли Шуцин.* К вопросу об особенностях автономии национальных районов в нашей стране // Информационные материалы ИДВ АН СССР. Экспресс-информация. Вып. 7. Ч. 2. 1989. С. 33–34.
24. *Anderson B.* Imagined Communities. L. ; N. Y., 2006.
25. *Загребнов Е.* Китайский патриотизм основан на чувстве национального унижения. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fwww.delp.ru%2Findex.php%3Fdown_load%3D69%3A-%26id%3D1%3A_26%26option%3Dc

om_phocadownload%26view%3Dcategory&c=55995ee0b1_3f&page=3 (дата обращения: 20.07.2015).

26. Булдакова В. Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35993> (дата обращения: 20.07.2015).

УДК 327:004.77(510)+316.774:654.1(510)

Н. А. Кошурникова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

N. A. Koshurnikova

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

Особенности информационной политики современного Китая

Specifics of Information Policy of China

Статья посвящена вопросам политики КНР в глобальном информационном пространстве. Рассмотрены основные принципы информационной политики КНР. Показана специфика внутренней информационной политики и «цифровой дипломатии» в Китае. Автор определяет современную систему информационно-политической работы в Китае как «управляемую открытость».

Ключевые слова: Китай, информационная политика, информационная война, информационно-коммуникационные технологии, сеть Интернет.

The main problem concerned in the article is China's policy in the global information space, the specifics of internal information policy and "digital diplomacy" of China. Based on domestic and foreign authors' literature, there have been observed the main principles of Information Policy of China.

Keywords: China, Information Policy, information and communication technologies, information war, the Internet.